[41] Справочник по учреждениям социального воспитания и профессионального образования Дальневосточного края за 1927—1928 учебный год. Хабаровск; Благовещенск, 1928. С.82.
[42] РГИА ДВ. Ф.-Р. 2413. Оп.4. Д.1168. Л.4; Д.1329. Л.28; Д.1411. Л.1—2.
[43] Дальзаводцы. 1887—1987. Владивосток, 1987. С.82—85.
[44] РГИА ДВ. Ф.-Р. 2413. Оп.4. Д.1168. Л.4.
[45] Там же. Д. 1415. Л.7.
[46] Профтехобразование России... Т.2. С.280—282.
[47] Справочник по учреждениям социального воспитания и профессионального образования Дальневосточного края за 1927—1928 учебный год. Хабаровск; Благовещенск, 1928. С.85. Стрюченко И.Г., Кочешков Н.В., Гирийчук В.Я., Фетисова Л.Е., Предатченко Е.М. История культуры Дальнего Востока России XVII—XX веков. Владивосток, 1998. С.235. Балдин С.С. Профессиональня школа... С.17.

SUMMARY. The article by Candidate of Historical Sciences Sergey Baldin «From Simple to Complex» raises a question of formation professional-technical education in the Far East of Russia spreading as far as the Eastern outlying districts were being colonized. Especially it was characteristic of the second part of the 19th century, when the Trans-Siberian Railway was being built. The shortage of skilled workers restrained economic development of the region. The first professional educational institution in the Russian Far East became three year port school which was opened in Vladivostok in 1875.
From 1900 to 1917 there were four types of educational institutions (29 colleges and schools) which trained workers (more than 1200 pupils).
1920 became a turning point in the history of the Soviet professional school when the Declaration about professional-technical education was adopted and the main Committee of Professional Education under People Commissariat of Education of the Russian Federation (RSFSR) (Gosprofobr) was established. Later, in 1933 it was abolished and professional educational institutions were transferred under direct authority of economic organizations, and that, unfortunately, resulted in being behind the demands of industry.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИЦИИ...

Виталий Олегович ШЕЛУДЬКО, преподаватель Владивостокского филиала Юридического института МВД РФ, действительный член Общества изучения Амурского края.

Российская полиция представляла собой сложную систему особых органов, обеспечивавших правопорядок и внутреннюю безопасность государства путем надзора и принуждения. Причем одновременно она являлась и органом государственного управления, обладавшим чрезвычайно широкой компетенцией. Особенно это касалось отдаленных слабоосвоенных окраин, где на полицию возлагался целый ряд дополнительных функций, для выполнения которых

в благоустроенных губерниях Центральной России существовали особые специализированные учреждения и должностные лица. Частью это было по закону, а частью в силу необходимости из-за неимения или нехватки земств, земских участковых начальников, чиновников по крестьянским делам, судебных следователей, судебных приставов, нотариусов, переселенческих управлений, таможни, лесничих, пограничной стражи, акцизной стражи и т.д.[1] Поэтому полицейским органам как одной из стержневых структур Российского государства отводилось важное место.

Между тем история полиции дальневосточного региона изучена совершенно недостаточно и фактически неизвестна широкой научной общественности. Специально этой темой занималось весьма ограниченное число исследователей, таких, как А.М. Буяков, А.Г. Чукарев, В.А. Черномаз, В.О. Шелудько[2]. Отдельные аспекты этой проблемы затрагивались в работах В.В. Сонина, Т.Я. Иконниковой, В.Г. Дацышена, А.В. Ремнева, Г.И. Романова, А.А. Хисамутдинова, Г.А. Сухачевой, Ф.В. Соловьева и др.[3] Кроме того, специалисты образовательных учреждений МВД (М.И. Сизиков, А.В. Борисов, А.Е. Скрипилев, Д.Н. Шинджикашвили, Р.С. Мулукаев и др.)[4] разработали проблему дореволюционной полиции на общероссийском уровне, что дает возможность опираться на уже выработанную ими общую концепцию. Однако правовой статус дальневосточной полиции, ее структура, штаты, кадровое и материально-техническое обеспечение, основные направления деятельности невозможно объяснить на примере полиции, существовавшей в Центральной России и даже в Сибири — настолько велика местная специфика. До сих пор отсутствует целостное научное исследование этой проблемы, что объясняется существовавшим длительное время (по идеологическим причинам) фактическим запретом подобных разработок.

Все вышеназванные причины показывают необходимость специального целостного исследования истории полиции дореволюционного Дальнего Востока, которое может иметь не только теоретическое, но и практическое значение для соответствующих органов государственной власти.

Периодизация истории дальневосточной полиции в основном совпадает с общей периодизацией истории Дальнего Востока. Это обусловлено тем, что изменения в структуре, организации, штатном расписании, компетенции, материально-технической базе полиции были тесно связаны с развитием региона. Можно выделить два больших периода: феодальный (XVII в. — 60-е годы XIX в.) и буржуазный (с 60-х годов XIX в. по 1917 г.). Если в первый период (до 1851 г.) на Дальнем Востоке не существовало специализированных полицейских органов, чьи функции, как правило, сосредоточивались в руках общей администрации (воевод, приказчиков), что характерно для феодального государства, то в результате буржуазных реформ 60—70-х годов XIX в. начинается функциональное разделение государственных органов, в том числе и более четкое выделение полицейских учреждений. Особенно важен данный период и тем, что именно в это время в состав России входит почти вся нынешняя территория Дальнего Востока. Условно во втором периоде можно выделить три относительно самостоятельных этапа.

1. 60-е — начало 80-х годов XIX в. — существование «военно-административной системы» управления краем. Полицейские обязанности были возложены в основном на вооруженные силы.

2. 80-е годы XIX в. — начало XX в. — образование всех основных подразделений «регулярной» полиции в связи с укреплением местной администрации. Это начало перехода к «гражданско-административной» системе управления, начало ее упорядочения и унификации. Постепенно идет процесс инкорпорации Дальнего Востока в общую систему управления страной.

3. Начало XX в. (по февр. 1917 г.) — расцвет полицейской системы, развитие специализации и профессионализма полиции, ее количественный и качественный рост, появление новых подразделений и служб, внедрение новейших достижений «полицейской науки». В это время, как и по всей стране, в регионе наблюдается рост значения политической полиции. При усиливаю-

щейся унификации дальневосточная полиция сохраняет все же некоторые специфические черты.

Все эти изменения, которые позволяют выделить определенные этапы, связаны с факторами различного характера: особенностями присоединения и освоения региона, внешне- и внутриполитическими событиями, демографическими и социально-экономическими процессами и т.д.

Так, начало первого этапа связано с буржуазными реформами, в частности, с реформой полиции 1862 г., которая в 1867 г. была распространена с некоторыми изменениями на Сибирь и Дальний Восток. Одновременно сформировалась в общих чертах южная граница Дальнего Востока. В 80-е годы возрастание экспансии иностранных держав в регионе вызвало административно-территориальные изменения (образование Владивостокского военного губернаторства, Приамурского генерал-губернаторства) и, следовательно, изменения в системе полиции. Начавшееся строительство Транссибирской железнодорожной магистрали и усилившееся переселенческое движение также способствовали усилению местной полиции. Восстание ихэтуаней в Маньчжурии (1900—1901 гг.), строительство КВЖД, активизация России в Северо-Восточном Китае и Корее, затем русско-японская война и первая русская революция — эти события начала XX в. потребовали создания на Дальнем Востоке современных полицейских органов, способных функционировать в сложной социально-экономической и политической обстановке.

Правовой статус и компетенция полиции в регионе также отличались своеобразием. Так, если в центральных губерниях России она была устроена по «Временным правилам об устройстве полиции в городе и уездах губерний» от 25 декабря 1862 г., то в Сибири и на Дальнем Востоке действовала согласно Закону 1867 г. Функционировала полиция Дальнего Востока согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний» 1822 г., Положениям об управлении отдельными областями, «Учреждениям управления Приамурского генерал-губернаторства» 1892 г. и 1912 г. и другим законодательным актам[5].

Общие для всей Российской империи законы применялись на Дальнем Востоке не в полном объеме. По мере сглаживания местной специфики они вводились в действие, но гораздо позже, частично и с некоторыми изменениями. Длительные периоды в регионе действовали законы военного времени, вводилось чрезвычайное положение. Специально для Сибири и Дальнего Востока принимались нормативно-правовые акты органами исполнительной власти: министерствами и другими центральными ведомствами. Регламентировалась организация и деятельность полиции местными властными структурами в лице генерал-губернаторов, губернаторов и других должностных лиц и учреждений путем издания особых постановлений, обязательных положений и т.д. Оказывали воздействие на статус полиции, ее компетенцию нормативные акты, принимавшиеся городскими думами, местными ведомственными учреждениями (Владивостокский коммерческий порт), частными фирмами, компаниями и обществами (КВЖД, Амурским пароходством, золотопромышленниками) и т.д.

Касаясь структуры полиции Дальнего Востока, следует учитывать, что даже при ее упрощенной схеме она все-таки оставалась очень сложной и несовершенной. Прежде всего различалась полиция государственная и частная, первая делилась на общую и политическую. Частная полиция создавалась на территории китайской Маньчжурии и Кореи в период нахождения их в сфере влияния России. Так как эти земли не являлись частью территории Российского государства, то государственная полиция там не могла быть введена, и российские компании для защиты своих интересов создавали частные полицейские службы. Так, на линии КВЖД, на р. Сунгари и лесозаготовках в Маньчжурии в 1898—1901 гг. действовала Охранная стража, на концессиях в Маньчжурии и в Корее (на р. Ялу) — полицейские исправники[6].

Государственная полиция функционировала на территории российского Дальнего Востока. Различались три уровня местного управления общей полицией[7]. Первый уровень представляла фигура генерал-губернатора, сначала Восточно-Сибирского, с 1884 г. — Приамурского. В 1903—1905 гг. была сде-

лана попытка еще больше усилить этот уровень управления, учредив должность наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, которому подчинялся и генерал-губернатор. Второй уровень — это начальники более мелких административно-территориальных единиц, составных частей Приамурского края и Дальнего Востока в целом, т.е. военные и гражданские губернаторы областей: Забайкальской (1851—1917 гг.), Приморской (1856—1917 гг.), Амурской (1858—1917 гг.), Сахалинской (1909—1917 гг.), Камчатской (1851—1856, 1909—1917 гг.), Квантунской (1899—1905 гг.); Владивостокский военный губернатор (1880—1888 гг.); Кяхтинский градоначальник (1851—1863 гг.); Начальник о-ва Сахалин (1884—1909 гг.)[8].

Третьим уровнем управления общей полиции был окружной (уездный). Только на этом уровне создавались органы собственно полицейские, т.е. специализированные на охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Области Приамурского края делились на округа или уезды, Сахалинская область — на участки[9]. Окружная (уездная, участковая) полиция состояла под началом окружных (уездных, участковых) начальников. В отличие от Центральной России, где полицией в уездах руководили земские исправники, подчинявшиеся уездным начальникам, на Дальнем Востоке должность земского исправника не получила широкого распространения, так как оказалась лишней[10].

В крупных городах, в основном административных центрах областей, а иногда округов и уездов, сохранялась самостоятельная городская полиция. Особые городские полицейские управления, возглавлявшиеся полицмейстерами, создавались в Чите (1851), Троицкосавске (1851 г.), Николаевске-на-Амуре (1856 г.), Благовещенске (1858 г.), Владивостоке (1880 г.), Хабаровске (1880 г.), Харбине (1901 г.), Никольске-Уссурийском (1901 г.), Порт-Артуре и Дальнем (1903 г.)[11]. В 1856—1863 гг. городская полиция в лице городничего существовала и в Петропавловске-Камчатском. Но после потери его административного значения в связи с переводом областного центра в Николаевск-на-Амуре самостоятельная городская полиция там была упразднена, и город перешел в ведение окружной полиции[12]. К городской полиции относилось также Нерчинское полицейское управление на Карских промыслах в Забайкалье (1874 г.)[13]. Российская полиция в 1909—1901 гг. создавалась и в некоторых китайских городах Маньчжурии, попавших под временное управление русских властей. Например, короткое время существовало городское полицейское управление в г. Инькоу[14].

Кроме общей полиции, существовали различные виды ведомственной, создававшиеся в связи с развитием некоторых отраслей экономики, содержавшиеся за их счет. Так, горная полиция учреждалась в районах добычи полезных ископаемых, в основном на частных промыслах. Во главе ее стояли горные исправники, подчинявшиеся губернаторам областей и генерал-губернаторам. В их подчинении находились полицейские команды из местных казаков, а после 1900 г. — вольнонаемная горно-полицейская стража. Наиболее крупные районы горнодобывающей промышленности выделялись в особые административно-территориальные единицы — горные округа (Приморский, Уссурийский, Нерчинский, Амурский и др.)[15].

Другой вид ведомственной полиции — портовая. Она существовала в военных и торговых (коммерческих) портах, подчиняясь капитану порта на основании «Положения об административном заведовании торговым мореходством и о портовой полиции в приморских торговых портах 1891 г. и «Положения о портовой полиции в военных портах Империи» 1894 г. Если в большинстве портов Дальнего Востока, незначительных по своим размерам, полиция не выделялась в особое подразделение, то в крупном Владивостокском порту дело обстояло иначе. В 1894 г. здесь была учреждена самостоятельная полиция, которая в 1910 г. вошла в состав Владивостокского полицейского управления[16].

Ведомственной полицией являлась российская полиция КВЖД в Маньчжурии («полицейский надзор»), созданная в 1901 г. Ее чины, как относившие-

ся к Заамурскому округу пограничной стражи, находились в ведении министерства финансов[17].

К ведомственной можно отнести и полицию, создававшуюся на территории казачьих войск (Забайкальского, Амурского и Уссурийского) на основании Особого положения об управлении Амурских казачьих войск. Полицейские обязанности там возлагались на начальников участков, в состав которых входило от одного до двух станичных округов. Законом от 2 февраля 1898 г. участковые начальники наделялись правами и обязанностями становых приставов[18].

Большую роль в системе местных полицейских органов играла политическая полиция, состоявшая из жандармерии и охранки. Вплоть до 1917 г. на Дальнем Востоке в отличие от большей части России сохранялась окружная система в организации жандармерии. Местные жандармские органы выходили из-под власти губернаторов и даже генерал-губернаторов, подчиняясь Восточно-Сибирскому окружному, а с 1902 г. — Иркутскому губернскому жандармскому управлению[19].

На Дальнем Востоке не были созданы территориальные органы жандармерии, аналогичные губернским жандармским управлениям. Здесь их функции выполняли жандармские полицейские управления (ЖПУ) железных дорог Уссурийской — в 1893 г., Забайкальской — в 1899 г., Амурской — в 1910 г. В годы русско-японской войны временное ЖПУ было создано на КВЖД (1904—1908 гг.). Этим управлениям присваивались права ЖПУ на железных дорогах, губернских жандармских управлений и общей полиции. Железнодорожную жандармерию можно было отнести также и к ведомственной полиции. Кроме того, в 1909 г. были созданы Камчатская и Сахалинская пешие жандармские команды, подчинявшиеся в полицейском отношении соответствующим губернаторам, а в строевом и хозяйственном — ЖПУ Уссурийской железной дороги[20].

В военных крепостях Владивосток и Николаевск-на-Амуре учреждались особые крепостные жандармские команды, подчинявшиеся как комендантам крепостей, так и ЖПУ Уссурийской железной дороги[21]. Эти команды можно выделить в особый вид военной полиции, в какой-то мере таковой являлась и полиция казачья, так как юрисдикция ее распространялась на военное сословие казаков. На территории Маньчжурии, находившейся в 1900—1901 гг. под управлением российской военной администрации, учреждались должности военных комиссаров, ведавших и полицейской частью[22].

Другой вид политической полиции — охранка — появился на Дальнем Востоке после революции 1905—1917 гг. В 1906 г. было создано Читинское охранное отделение, действовавшее в Забайкальской области. В 1907 г. учреждено Владивостокское охранное отделение, ставшее фактически центральным для всего остального края, так как деятельность его распространилась на Приморскую и Амурскую области (с 1909 г. — на Камчатскую и Сахалинскую области), а также на Китай и Японию. В наиболее крупных городах (Хабаровске, Благовещенске, Никольске-Уссурийском) в 1909 г. были учреждены свои розыскные пункты. Владивостокское и Читинское охранные отделения подчинялись Иркутскому (Восточно-Сибирскому) районному охранному отделению. Как и жандармерия, они уходили из-под власти местной администрации[23]. Некоторые исследователи (Д.Н. Шинджикашвили и др.) объединяют охранку и сыскные отделения при городских полицейских управлениях как родственные по своим задачам и методам (политический и уголовный сыск) в один вид сыскной полиции[24].

Изложение структуры дальневосточной полиции будет неполным, если не упомянуть о различных дополнительных, вспомогательных полицейских формированиях, создававшихся сверх официальных, в законодательном порядке утвержденных, профессиональных полицейских органов. Прежде всего это военные команды и отряды из местных гарнизонов, откомандированные в распоряжение полиции. Вспомогательные формирования создавались и из местного населения: казаков непризывных возрастов (сотни), из русских и корейс-

ких крестьян (сотни, дружины), из городского населения (дружины, отряды самообороны, комитеты самозащиты и помощи населению), из китайского населения («китайская полиция»). Отряды самообороны фактически были созданы коренным населением Командорских островов для защиты лежбищ морского зверя и своих селений от иностранных браконьеров. Предлагались проекты организации конной «милиции» из бурят Забайкалья. Владивостокский коммерческий порт в 1909 г. организовал на свои средства отряд китайских стражников для охраны шаланд и других мелких судов[25].

Предпринимались попытки создания своей сыскной полиции различными должностными лицами. Так, военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг в 1907 г. организовал собственную сыскную службу, которую возглавил чиновник особых поручений Власьев. Никольск-Уссурийский полицмейстер Тауц набрал своих «сыщиков» среди преступного элемента города, хотя сыскное отделение штатом не было предусмотрено[26].

С 1880-х годов на Дальнем Востоке широко практиковался наем дополнительных полицейских служителей за счет городов и частных лиц в связи с недостатком полицейских штатов. По этой же причине в селах края организовывались дежурства ночных сторожей и караулов, а в городах сверх этого — еще и дворников[27]. Весь край находился фактически на военном положении, вооруженное население по необходимости само выполняло часть полицейских функций. Привлечение и использование в деле охраны правопорядка вооруженных сил и гражданского населения стало традиционным.

На протяжении второй половины XIX — начала XX вв. правовой статус, структура и организация полицейских органов Дальнего Востока неоднократно менялись под воздействием самых различных факторов, постепенно приближаясь к общероссийскому образцу, но сохраняя некоторые специфические черты. Таким образом, весь этот период был временем поиска наиболее оптимальных форм организации и деятельности местного полицейского аппарата.

---

[1] Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области за 1900 год. Владивосток, 1901. С.64—65; ГАРФ. Ф.102. ДП.2 делопроизводство. 1886. Д.245. Ч.1. Л.207—210; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1886. 1856—1897 гг. СПб., 1900. С.269—270; Далекая окраина. 1909. 22 марта. С.5; 11 апр. С.4.

[2] Буяков А.М. Большевики и царская охранка: Из архивов бывшего владивостокского охранного отделения. 1907—1917 гг. //Ориентир, 1990. №12. С.21—26; Буяков А.М. Наркобизнес в Приморье и на Дальнем Востоке России: исторический экскурс в проблему //Записки ОИАК. 1992. Т.28. С.61—69; Чукарев А.Г. Царская охранка в борьбе с революционным движением на Дальнем Востоке и в Забайкалье в период первой русской революции (1905—1907 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1970; Черномаз В.А., Шелудько В.О. Владивостокская портовая полиция в 1899—1917 гг. //Таможенная служба Дальнего Востока: прошлое, настоящее, будущее: Материалы науч.-практ. конф. Владивосток, 1999. С.15—21; Шелудько В.О., Черномаз В.А. Краткие сведения по истории органов внутренних дел Приморского края // Ведомости приморской милиции. 1998. №1. С.39; Шелудько В.О. Полиция Приморья на этапе становления (60-е — начало 80-х годов XIX в.) //Изв. РГИА ДВ. Сб. науч. трудов. Владивосток, 1999. Т.4. С.153—163.

[3] Сонин В.В., Перелогова Н.А. Правовой статус КВЖД — первого совместного русско-китайского предприятия (1897—1923 гг.) //Современное государство и право: Вопр. теории и истории: Сб. науч. трудов. Владивосток, 1992. С.192—200; Иконникова Т.Я. Военнопленные первой мировой на российском Дальнем Востоке (1914—1918 гг.) //Россия и АТР. 1999. №1. С.90—94; Дацышен В.Г. Русско-китайская война в Маньчжурии 1900—1901 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995.; Хисамутдинов А.А. Владивосток: Этюды к истории старого города. Владивосток, 1992; Сухачева Г.А. Хунхузы в России //Россия и АТР. 1996. №4. С.90—96; Сухачева Г.А. «Бич страны»: Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е годы XX в. //Россия и АТР. 1992. №1. С.92—101; Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху империализма (1861—1917). М., 1989; Ремнев А.В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX — нач. XX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 1997; Романов Г.И. Казачье население Восточной Сибири (конец XIX — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1996.

[4] Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. История полиции России (1718—1917 гг.). М., 1992; Шинджикашвили Д.Н. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974; Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995; Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк. М., 1996.

[5] Полиция и милиция России. С.48; ПСЗ. Собр.2. Т.42. №44681; Собр.1. Т.38. №29124, №29125; Собр.2. Т.26. №25394; Т.31. №31080; Т.33. №33862; Собр.3.

[6] Дацышен В.Г. Русско-китайская война... С.47, 125; Вестн. полиции. 1915. №21. С.665.

[7] Ремнев А.В. Административная политика... С.420—424.

[8] ПСЗ. Собр.2. Т.26. №25394; Т.31. №31080; Т.33. №33862; Собр.3. Т.29. №32146; Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд. Т.2. М., б.г. С.195—196; ПСЗ.Собр.2. Т.55. №60851; Собр.3. Т.8. №5316; Собр. 2. Т.26. №25322; Памятная книжка Забайкальской области на 1900 год. Чита, 1900. С.22; ПСЗ. Собр.3. Т.4. №2233.

[9] Дальний Восток России... С.99.

[10] Забайкалье: Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. С.27.

[11] ПСЗ. Собр.2. Т.26. №25394; №25322; Т.31. №31080; Т.33. №33862; Т.55. №60851; Вестн. полиции. 1916. №34. С.854№ Дацышин В.Г. Русско-китайская война... С.125; ПСЗ. Собр. 3. Т.21. №20082; Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1903 год. СПб., 1903. С.518.

[12] ПСЗ. Собр.2. Т.31. №31080; Т.38. №39267.

[13] Там же. Т.49. №53551; ГАРФ. Ф.102. ДП.2 дел-во. 1886 г. Д.245. Ч.3. Л.6.

[14] Дацышен В.Г. Русско-китайская война... С.23; РГИА ДВ, Ф.1523.

[15] ПСЗ. Собр.3. Т.20. №18547; №18121; Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1914 год. Благовещенск,1915. С.9, 13; Обзор Забайкальской области за 1903 год. Чита, 1904. С.52; Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области за 1900 год. Владивосток, 1901. С.42—43; Новый энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., б.г. Т.14. С.245—246.

[16] ПСЗ. Собр.3. Т.11. №?:?;; Т.14. №10713; Савич Г.Г. Законы об управлении областями Дальнего Востока. СПб., 1904. С.35; ГАРФ. Ф.102. ДП.2 дел-во 1884. Д.584. Ч.29. Л.419.

[17] Вестн. полиции. 1916. №34. С.854—855; 1915. №5. С.106; 1911. №47. С.1085.

[18] РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.1618. Л.152 об.-153; Д.1580. Л.4; Памятная книжка Приморской области на 1914 год. Владивосток, 1914. С.181—186.

[19] Чукарев А.Г. Царская охранка... С.77.

[20] ПСЗ. Собр.3. Т.13. №9446; Т.19. №16486; РГИА ДВ. Ф.542. Оп.1. Д.8. Л.1; Памятная книжка Забайкальской области на 1900 год. Чита, 1900. С.41; ПСЗ. Собр.3. Т.30. №33829; Т.24. №24526; Т.28. №30992; Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С.193.

[21] Приморский край... С.22.

[22] Дацышен В.Г. Русско-китайская война...; РГИА ДВ. Ф.565. Оп.15. Д.14.

[23] Приморский край... С.93—94; Чукарев А.Г. Царская охранка... С.365.

[24] Шинджикашвили Д.Н. Сыскная полиция России в период империализма. Омск, 1973. С.5.

[25] ГАРФ. Ф. 102.ДП2 дел-во. 1883 г. Д.201. Л.78, 107 об.-108; 1886 г. Д.245. Ч.1. Л.379 об., 161 об.; РГИА ДВ. Ф.515. Оп.2. Д.24«а». Л.15 об.; Приамурские ведомости. 1896. 17 нояб. №151. С.5, 14—16; Чукарев А.Г. Царская охранка... С.71—72, 184—186, 190; Дацышен А.Г. Русско-китайская война... С.56—58; Приморский край... С.231; Хищники //Новости дня. 1915. 15 мая. С.3; Корф А.Н. Краткий очерк Приморского края: По официальным данным. СПб., 1892. С.41—42; Охрана шаланд //Далекая окраина. 1909. 10 июня. С.2.

[26] Чукарев А.Г. Царская охранка... С.369; Сибирские вопросы. 1911. №5—6. С.79—80.

[27] Дальневосточное положение. Владивосток, 1912. С.2; Текущий день. 1910. 14 дек. С.15; Далекая окраина. 1909. 12 марта. С.4.

SUMMARY. «From history Police» is the title of the article by a lecturer of Vladivostok Branch of Law Institute MVD of the Russian Federation V. Sheludko. The author tells about institutions, peoples, tasks of police in the Far East of Russia in 1860—1917. V. Sheludko uses considerable number of sources, some of which are being introduced for the scientific work for the first time.